

Диалог Олега Кильдюшова и Зинаиды Перегудовой

Олег Кильдюшов*
Зинаида Перегудова**
Ольга Кононова***

Аннотация. В интервью речь идет об истории и нынешнем состоянии исследований полиции в рамках особой дисциплины — «полициеведения». На примере изучения органов политического сыска реконструируется история полицейских исследований в СССР и РФ. Обращается внимание на проблемы нынешней историографии проблемы. Обсуждаются структурные, идейные и личностные аспекты деятельности органов правопорядка и государственной безопасности Российской империи. Отдельное внимание уделяется проектам реформ русской полиции начала XX века. Проводятся параллели с нынешними попытками реформирования правоохранительных органов РФ.

Ключевые слова: Департамент полиции, С. В. Зубатов, комиссия сенатора Макарова, Отдельный корпус жандармов, «охранка», полицейский социализм, реформа МВД.

«Социологическое обозрение»¹. Прежде чем поговорить об истории полицейских органов Российской империи, хотелось бы услышать Вашу оценку состояния

* **Кильдюшов Олег Васильевич** — независимый исследователь, переводчик и редактор русского издания работ Т. Адорно, М. Вебера, В. Дильтея, Н. Лумана, Ю. Хабермаса, О. Хеффе, К. Шмитта, О. Шпенглера и др. Область научных интересов: теория действия, политическая антропология модерна, русская и советская этнополитика, а также философия спорта. E-mail: kildyushov@mail.ru

** **Перегудова Зинаида Ивановна** — доктор исторических наук, ведущий специалист отдела хранения документов по истории Российской империи Государственного архива РФ. Заслуженный работник культуры РФ. Область научных интересов: история органов правопорядка и государственной безопасности Российской империи, проекты реформ полиции начала XX в., исследование биографий руководителей сыска. Основные труды: Несостоявшаяся реформа полиции. По материалам Комиссии сенатора Макарова. М.: ГИЦ МВД СССР, 1992; Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000; (Ред.:) Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. 2 тт. М.: НЛО, 2004.

*** **Кононова Ольга Алексеевна** — юрист, политолог (факультет политологии МГУ, кафедра истории социально-политических учений). Исследователь истории политической мысли в России конца XIX — начала XX в., особенно теоретических дебатов по «рабочему вопросу». E-mail: olgakononova@yandex.ru

Публикация осуществлена в рамках проекта «Полицейский порядок и ситуативная солидарность: динамика взаимодействия и трансформаций» (Программа фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году).

© Кильдюшов О. В., 2013

© Перегудова З. П., 2013

© Кононова О. А., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Журнал «Социологическое обозрение» представлял Олег Кильдюшов.

полицейских исследований в современной России — как в историческом, так и социально-теоретическом плане. Насколько этот предмет — полиция, другие органы правопорядка — представляет интерес для современных российских исследователей? Какие содержательные изменения произошли здесь по сравнению с советской ситуацией, когда полиция изучалась в основном как контрагент революционных организаций? Можно ли сказать, что в нынешней историографической ситуации полиция стала самостоятельным предметом исследований?

Зинаида Перегудова. Один из исследователей, Ю. Ф. Овченко, занимающийся изучением Московской охранки, т.е. Отделения по охране общественной безопасности и порядка в городе Москве², считает, что в настоящее время уже существует такое исследовательское направление, как «полициеведение»³.

Говоря об исследованиях истории полиции, расскажу о собственном опыте. Я давно начала заниматься этой темой — когда пришла работать в архив (ныне — Государственный архив РФ). Дело в том, что именно у нас хранятся материалы охранных отделений, губернских жандармских управлений (ГЖУ), и самое главное — Департамента полиции. Поэтому именно к нам обращались из МВД СССР и тогдашнего КГБ с вопросами: а что такое охранные отделения, губернские жандармские управления и какая между ними разница? То есть в связи с закрытостью темы, отсутствием работ даже работники органов правопорядка не могли разобраться в сложностях истории создания и деятельности полицейских учреждений Российской империи. Так, у меня даже был многолетний спор с некоторыми исследователями, которые считали, что III отделение и Департамент полиции существовали одновременно! А один из коллег, Федор Волков, в своей книге «Взлет и падение Сталина»⁴ написал, что Перегудова отрицает существование в Енисейской губернии охрannого отделения, хотя он своими глазами видел бланк Енисейского губернского жандармского управления. То есть даже крупный ученый, профессор, не видел разницы между охранным отделением и жандармским управлением, считая их одним учреждением. Это к вопросу об уровне историографии. Возможно, это было связано с тем, что все органы политического сыска тогда называли одним словом — «охранка». Поэтому у многих людей сложилось впечатление, что ГЖУ — это охранка, розыскной пункт — это охранка, охрannое отделение — это охранка, Департамент полиции — это охранка, и III отделение — это тоже охранка!

2. Овченко Ю. Ф. (2010). Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг. М.: ИНСОФТ.

3. Здесь можно увидеть прямую параллель с «полицейской наукой», перспективы которой обсуждают западные коллеги. Например, в Германии идут дебаты о возможности конституирования особой «Polizeiwissenschaft» — т.е. направления исследований с тем же названием, что в XVIII–XIX вв. использовалось в рамках дискурса полицейского государства как учение о благом управлении (gute Policy). Ср.: Lange H.-J. (2003). Polizeiforschung, Polizeiwissenschaft oder Forschung zur Inneren Sicherheit? Über die Etablierung eines schwierigen Gegenstandes als Wissenschaftsdisziplin // Die Polizei der Gesellschaft: zur Soziologie der Inneren Sicherheit / Hrsg. H.-J. Lange. Opladen: Leske + Budrich. S. 427–453; Feltes Th. (2007). Polizeiwissenschaft in Deutschland. Überlegungen zum Profil einer (neuen) Wissenschaftsdisziplin // Polizei & Wissenschaft. Heft 4. S. 2–21.

4. Волков Ф. Д. (1992). Взлет и падение Сталина. М.: Спектр¹.

Когда я защищала кандидатскую диссертацию, научным руководителем которой был Н. П. Ерошкин, мы просто боялись, насколько «проходима» будет эта тема⁵. Даже в 80-е годы! Но в то же время, и об этом следует сказать, все эти запретные темы обсуждались, по ним проходили защиты диссертаций, но на закрытых диссертационных советах — в Академии МВД, а также в КГБ. А вот для гражданских исследователей изучение полиции в целом было табу. Но после того как защитились Л. И. Тютюнник⁶ и я, а потом — А. А. Миролюбов⁷, эта тема оказалась «пробитой» настолько, что уже никто никого не останавливал.

Помню свою защиту в Историко-архивном институте — я тогда даже немного испугалась, когда увидела, что полон зал слушателей, хотя обычно на защиту приходило человек 20, максимум — 30: друзья, коллеги. А здесь не было свободного места. И когда защита кончилась, то все встали разом, как солдаты. И все они, громко хлопнув, как в кинотеатре, откидными стульями, дружно вышли. Ну и тогда мы поняли, из какой «фирмы» были эти люди...

Благодаря Н. П. Ерошкину, разработавшему тематику полицейских исследований для кандидатских диссертаций, и, конечно, нашей инициативе эта проблематика стала считаться «нормальной» — так как стало очевидно, что без ее разработки невозможно говорить ни о революционном движении, ни о студенческом движении, ни о либеральном, ни о рабочем, да и о монархическом, если не затрагивать тех источников по истории полиции, что хранятся у нас в архиве. То есть помимо источников самих общественных и политических организаций XIX–XX веков нужно изучать и архивные материалы Департамента полиции.

В настоящее время выходит много интересных работ по истории полиции и отдельных ее представителей. Сейчас повсюду активно проводятся исследования и защищаются диссертации по полиции, охранным отделениям и ГЖУ. Например, в Поволжье, в Тамбове, Орле и многих других. То есть сейчас полицейскую тематику изучают почти в каждом регионе.

Но и сегодня случаются удивительные казусы. Например, известного полицейского администратора, начальника московской охраны С.В. Зубатова в литературе постоянно «производят» в полковники. Такое впечатление, что наши историки вообще ничего не читают из того, что мы пишем и публикуем. Ну не был он полковником и вообще не имел никакого военного чина, оставаясь гражданским чиновником! И этот ляп повторяется повсюду — даже в книге, изданной бывшим 9-м управлением КГБ (ныне ФСО)⁸. В целом это серьезная книга, насыщенная богатым фактическим

5. *Перегудова З. И.* (1988). Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революц. подъема). Дисс. ... к. и. н. Москва.

6. *Тютюнник Л. И.* (1986). Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже XIX–XX вв. (1880–1904 гг.). Дисс. ... к. и. н. Москва.

7. *Миролюбов А. А.* (1988). Политический сыск России в 1914–1917 гг. Дисс. ... к. и. н. Москва.

8. История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана 1881–1917. М.: МедиаПресс, 2006.

материалом, но, к сожалению, не лишена подобных ошибок. И вот, листая ее, встречаю: «полковник Зубатов»...

Следует сказать, что с 2001 года существует специальное общество, изучающее полицейские учреждения, в том числе историю политического розыска дореволюционной России и советского периода, — Общество изучения истории отечественных спецслужб (ОИИОС). Его возглавляет А. А. Зданович. Общество издает «Труды ОИИОС». В Санкт-Петербурге в филиале Государственного музея политической истории России «Гороховая, 2»⁹ ежегодно проводятся конференции, посвященные различным сюжетам, связанным с историей органов правопорядка дореволюционной и советской России. Они тоже издают много материалов по этой теме.

С. О. Следующий вопрос — о концептуальном измерении проблемы, прежде всего — о степени рефлексивности полицейского дела в России: являлись ли институциональные реформы полиции результатом систематической рефлексии и публичной тематизации — например, в рамках общественных и внутриведомственных дебатов о функциях полиции, о приемлемости и эффективности тех или иных полицейских мер и т. д.? Или же они были, скорее, политическим или аппаратно-бюрократическим компромиссом? Чем в основном мотивировались решения по созданию и ликвидации того или иного полицейского органа — например, существовавшего непродолжительное время Министерства полиции (1810–1819), III отделения (1826–1880) или того же Департамента полиции (1880–1917)? Одним словом, насколько рефлексивным было полицейское институциональное строительство, или это, скорее, были конкретные решения *ad hoc*, за которыми не стояла никакая теория общественного порядка и государственной безопасности типа упомянутой «*Policeywissenschaft*», являвшейся тогда просто наукой о государственном управлении?

З. П. Основным фактором здесь как всегда были люди, приходившие к власти и назначавшиеся главами полицейских органов. Например, когда в начале XX века готовилась реформа полиции, то московский генерал-губернатор, а впоследствии товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, участвовавший в разработке проекта реформы, писал в своих воспоминаниях: «Россия ждала реформу полиции, не более и не менее как 50 лет... Когда в 1861 г. последовало освобождение крестьян от крепостной зависимости, то, казалось бы, следовало бы подготовить и реформу полиции, а между тем она оставалась с екатерининских времен только с некоторыми изменениями»¹⁰.

То есть осознание необходимости реформ часто присутствовало, но никак не могли к ним приступить. Так, создавался целый ряд комиссий, но эти комиссии опять-таки по каким-то причинам ликвидировались.

Что касается создания Департамента полиции, то когда в 1880 году главой Верховной распорядительной комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия назначили графа М. Т. Лорис-Меликова, III отделение,

9. <http://www.polithistory.ru/filial-gorohovaya-2-iz-istorii-politicheskoy-policii-i-organov-gosudarstvennoy-bezopasnosti-rossii>

10. Джунковский В. Ф. (1997). Воспоминания. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых. С. 135.

несмотря на то, что оно было подчинено императору, воспринималось как неоперативное, неактивное, забюрократизированное ведомство, плохо связанное с местными учреждениями полиции. Сам Лорис-Меликов был человеком либеральных взглядов, который видел все недостатки существующей системы. Кроме того, безусловно, большую роль играла общественно-политическая обстановка и рост революционного движения. И сама эта обстановка подталкивала постановку вопроса о необходимости что-то менять, что-то решать и делать.

Ольга Кононова. В этой связи особый интерес представляют попытки сочетать в деятельности полиции функции сыска и социального попечения, т. е. заботы о благополучии подданных, причем социальных низов. Так, в проекте «Инструкции членам, состоящим в распоряжении директора Департамента полиции, по заведованию охраняемыми пунктами», разработанном уже упоминавшимся С.В. Зубатовым в рамках полицейской реформы министра внутренних дел В. К. Плеве в 1902 году, был пункт, согласно которому полиция, наблюдая за социальными низами, должна была содействовать «изысканию законных средств к устранению в их среде каких-то недоразумений, могущих вызвать нарушение общественной безопасности и порядка»¹¹. Но еще раньше, в апреле 1898 года, Зубатов пишет известную докладную записку московскому обер-полицеймейстеру Д. Ф. Трепову, который представил ее в виде доклада московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу. В ней были прописаны основные принципы решения рабочего вопроса: одних репрессивных мер мало, необходимы меры по реальному улучшению положения рабочих. Как известно, подобную идею «попечительства» полиции над социальными низами многие исследователи приписывают исключительно Зубатову. Однако существует как минимум еще один документ подобного содержания, вышедший из-под пера высокопоставленного правоохранителя: в июле 1898 года командир Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенант А. И. Пантелеев также пишет записку о том, что одной фабричной инспекции недостаточно для решения рабочего вопроса, и предлагает учредить особую фабричную полицию. Насколько подобные представления о попечительских функциях полиции были распространены в охранительной мысли? Это что, был своеобразный полицейский «мейнстрим» на фоне остро стоявшего тогда рабочего вопроса?

З. П. Скорее это было характерно для наиболее выдающихся личностей, т. е. отдельных персон. Массово этого явления я не вижу по источникам. Хотя полицию было принято ругать, но наиболее талантливые и способные сотрудники понимали необходимость изменения ситуации. Причем эти полицейские чины смотрели гораздо дальше, чем предприниматели! Но, естественно, эта их забота об интересах рабочих была политически мотивирована, т. е. была направлена на поддержание общественного спокойствия. Несколько лет назад я выпустила книгу воспоминаний руководителей полицейских органов — там собраны мемуары как раз наиболее способных представителей полицейского сообщества¹².

11. Цит. по: Овченко Ю. Ф. (1993). Полицейская реформа В. К. Плеве // Вопросы истории. № 8. С. 155.

12. Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. 2 тт. М.: НЛО, 2004.

С. О. Возвращаясь к фигуре начальника Московского охранного отделения Зубатова, давшего свое имя легальному рабочему движению под контролем властей («зубатовщина»), нельзя не удивиться его попытке выдать собственное стремление к «полицейскому социализму» за политику правящего режима в целом. Ведь говоря от имени государства, он скорее проявлял свою личную инициативу...

З. П. Да, конечно, личную, но когда Зубатов руководил охранкой в Москве, он пользовался поддержкой дяди императора и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, а позже — главы МВД Плеве, и поэтому считал, что может это говорить.

С. О. А теперь хотелось бы поговорить о системе правоохранительных органов империи как таковой. Вы пишете, что система полиции в России была не просто сложной, а порой даже запутанной, что сами ее сотрудники не всегда более или менее ясно понимали свои задачи. В подтверждение этого Вы приводите поразительное признание бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина: «...не только обывателю, но даже должностным лицам, даже центральному, ведающему дело полиции органу МВД нет иногда возможности определить, для какой местности какие полицейские органы в ней действуют»¹³.

Еще один регулярно встречающийся мотив полицейской рефлексии, о котором Вы пишете, — необходимость ликвидировать институциональный хаос различных видов полиции, часто находившихся в различном подчинении. Здесь достаточно вспомнить Отдельный корпус жандармов: его учреждения на местах были подведомственны Корпусу по строевой и хозяйственной линии, а по оперативно-розыскной подчинялись Департаменту полиции. Одновременно корпус как отдельное воинское формирование входил в систему Военного министерства¹⁴. Как такая запутанная конструкция правоохранительных органов вообще могла функционировать?

З. П. Тем не менее она функционировала и, между прочим, не так уж плохо. Некоторые исследователи даже утверждают, что если бы в 1917 году власти призвали жандармские дивизионы, охранные отделения и ГЖУ, то в Петрограде не случилось бы того, что случилось. А там для усмирения революции были призваны воинские части, которые перешли на сторону восставших. А дивизионы — и Петроградский, и Московский — были отстранены от выполнения этих задач, хотя они лучше подходили для этого. Но не потому что их сотрудники были более бесчеловечными, а просто потому что они были более подготовлены для выполнения этих задач и как военные люди оставались верны своей присяге.

С. О. Следующий вопрос связан с дискуссиями внутри самого полицейского ведомства. Вы пишете, что на страницах ведомственной прессы Министерства внутренних дел велись жаркие дебаты на тему «Что такое полиция?». Так, дискуссия о наиболее точном определении видов полиции развернулась на страницах журнала

13. Лопухин А. А. (1907). Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. М.: В. М. Саблин. С. 9–10.

14. Перегудова З. И. (2013). Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН. С. 124.

«Вестник полиции»¹⁵. О чем это свидетельствует: правоохранители Российской империи с трудом представляли, что они призваны охранять, или скорее это были попытки выхода из дорефлективного состояния полицейского дела? Насколько подобные дебаты типичны для русского полицейского дискурса? Каковы их результаты и влияние на практику реформирования?

З. П. Я думаю, что эти дебаты никак не повлияли на ход реформ. Но в любом случае тогда никто не додумался до простого переименования правоохранительных органов...

С. О. *Что же тогда являлось источником идей для реформирования системы МВД? Можно ли говорить о какой-либо зависимости русской полицейской практики и проектов по ее реформированию от западного дискурса полицейского государства? Насколько западные варианты организации полицейского дела воспринимались в качестве образца? Так, и о Зубатове бывший сотрудник охраны Заварзин в своей изданной после революции в Париже книге прямо писал, что тот «первый поставил розыск в империи по образцу западноевропейскому»¹⁶. На какие образцы ориентировалось руководство МВД Российской империи при подготовке проектов реформ ведомства?*

З. П. Все, что касается розыска — дактилоскопия и т.п., — это целиком и полностью было заимствовано у Запада. В конце 1906 года была задумана реформа полиции, поскольку революционные события показали, что режим стоит на краю гибели. Ведь еще немного напора, и уже тогда могла бы установиться демократическая республика. При создании комиссии сенатора Макарова по реформе полиции директор Департамента полиции М.И. Трусевич был послан за рубеж для сбора материалов и изучения работы германской, французской и английской полиции. Он привез из поездки много документов, которые потом изучались и использовались при подготовке различных проектов. Быть может, и из-за этого все так долго готовилось и в результате ни к чему не пришли — реформаторы столкнулись с необъяснимыми для них вещами: во Франции была одна организация полиции, в Англии — иная. Например, встречали где-то институт полицейской стражи и начинали думать, как ввести ее в России. То есть речь шла не только о названии для нового учреждения, которое хотели ввести, но и об отличающихся функциях этих учреждений. И конечно, роль сыграло то, что люди, которые начинали реформу, потом ушли, и этот интерес пропал. То есть опять человеческий фактор, о котором мы уже говорили. А у пришедших на их место эта работа не вызывала никакого энтузиазма. Потом погиб Столыпин, который все же поддерживал замысел и хотел провести эту реформу. Конечно, они пытались что-то заимствовать у полиции европейских стран. Очень тесные связи у Департамента полиции были с западными коллегами по уголовной части, и особенно с английской полицией. Например, то, что касается служебного собаководства, питомников собак, — все это не отечественное изобретение.

С.О. *А как можно объяснить, что функционал основного структурного подразделения МВД — т.е. Департамента полиции — странным на первый взгляд образом*

15. Вестник полиции. 1907. № 1. С. 14.

16. Заварзин П. П. (1924). Работа тайной полиции. Париж. С. 63.

являлся комбинацией функций общей полиции и полиции политической. Почему на протяжении всей истории поздней империи не были институционально разделены государственная полиция и полиция охраны правопорядка, включая криминальную?

З. П. Тем не менее с общей полицией тайная полиция взаимодействовала в основном на уровне незначительной помощи со стороны общей полиции при наблюдении и при арестах и обысках. Это было обязательным. А что касается уголовной полиции, то более тесные контакты с нею начались после начала революции 1905 года. А когда начались поджоги имений, было разрешено создавать полицию на частные средства. И здесь была взаимозависимость, хотя куратором являлась политическая полиция. И уже через несколько лет, в 1908 году, в Департаменте полиции создается специальный отдел не только для наблюдения, но и для создания сыскных отделений, поскольку их было очень мало на всю Россию. Таким образом, тайная полиция оказывала поддержку криминальной полиции, т. е. уголовному розыску.

У нас, в Государственном архиве РФ, сохранились материалы комиссии сенатора Макарова. Там встречаются документы, фиксирующие сложную организацию полиции. Не было единой системы, поскольку она складывалась постепенно и не по одному общему образцу: входившие в нее организации возникли в разное время, под влиянием потребностей момента, чем «в общем-то, и объяснялась ее многосложность»¹⁷, бюрократизм и иерархичность. Поэтому одной из целей работы комиссии было объединение всех этих видов в одну общую полицию. Вот что об этом писал Лопухин: «Полиция в России делится на общую и жандармскую, наружную и политическую, конную и пешую, городскую и уездную», далее перечисляя множество ее видов: сыскная, фабричная, железнодорожная, портовая, речная, горная, волостная, сельская, мызная, полевая и т.п.¹⁸ Это была просто ужасная неразбериха!

С. О. *Также интересно обсудить проблему подготовки полицейских кадров: как было поставлено образование полицейских различных уровней, на что ориентировалось руководство ведомства в качестве образца. Насколько была разработана учебная литература по полицейскому делу? Какова здесь роль учебных пособий типа известных учебников полицейского права Андреевского¹⁹ и Дерюжинского²⁰?*

З. П. Я не изучала специально подготовку кадров для криминальной полиции, но что касается Москвы и Санкт-Петербурга, то там были очень сильные руководители уголовного сыска — И. Д. Путилин, А. Ф. Кошко, В. Г. Филиппов и др. В журнале «Каторга и ссылка», выходявшем в первые советские годы, можно прочитать о том, как осуществлялась подготовка филеров и пр. Но больше всего внимания обращалось, естественно, на подготовку сотрудников учреждений ГЖУ и охранных отделений. Для этого были созданы специальные курсы при штабе корпуса жандармов. Там из-

17. Краткая объяснительная записка и заключение Межведомственной комиссии под председательством сенатора А. А. Макарова по преобразованию полиции в империи. СПб., 1911. С. 17.

18. Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта. С. 10.

19. Андреевский И. Е. (1883). Лекции по истории полицейского права и земских учреждений в России. СПб.: Тип. В. Грацианского.

20. Дерюжинский В. Ф. (1911). Полицейское право. СПб.: Сенатская типография.

учали и полицейское право, и международное право, и историю. Потом встал вопрос об изучении истории революционного движения. Поскольку сложилась такая ситуация — революционеры изучали и знали российскую полицию, а полицейские не знали о революционном движении. Я пишу в книге «Политический сыск в России» о том, как создавались учебные пособия — таблицы различных партий, их структур, целей. Позже известный деятель охраны А. И. Спиридович выпустил очерки о деятельности двух крупнейших революционных партий — об эсерах²¹ и социал-демократах²². А что касается подготовки сотрудников полиции более низкого ранга, то я в свое время опубликовала специально разработанный для них «Вопросник по истории революционного движения»²³. В нем содержались вопросы и ответы: «Кто такие декабристы?», «Кто такие социалисты?», «Кто такой Ленин?» и т. д.

С. О. *Вы пишете о поразительных вещах: деятельность русской полиции регулировалась множеством узаконений и положений, принятых в различные эпохи, не согласованных между собой и давно устаревших. Так, некоторые положения «Устава о предупреждении и пресечении преступлений», которым руководствовалась полиция в начале XX века, относились к XVIII и даже XVII веку! Как можно объяснить такую организационную архаику в ведомстве, призванном стоять на страже режима?*

З. П. Все это я взяла как раз из материалов комиссии сенатора Макарова — когда ее члены начали разбирать законодательную базу, то увидели, что очень многие акты устарели. Именно по этому поводу возмущался Джунковский, когда писал, что полиция оставалась неререформированной с екатерининских времен. У нас в архиве есть сборники Департамента полиции с различными положениями, выписками из указов. И там видно, что частично они противоречат друг другу. Их в свое время не отменили, а издали новые. Правда, некоторые чиновники вообще ничего не исполняли. Как, например, начальник Киевского охранного отделения Н. Н. Кулябко, который вообще не читал никаких распоряжений. Все, что ему присылали сверху, он просто складывал в стопку. Ну а тех, кто серьезно относился к документам, такие вещи, естественно, ставили в тупик. Также в рамках деятельности комиссии Макарова был составлен целый свод обязанностей, который нужно было снять с полиции. Например, полицейские разносили повестки в суд и вообще выполняли то, что мог сделать дворник или почтальон. Накопился целый список обязанностей, который давно было пора снять с полицейских учреждений. В основном это касалось общей полиции.

Как я уже говорила, предпринимались попытки объединить все виды полиции в одну, но этого сделать не смогли, поскольку сопротивлялись и губернаторы, и начальники ГЖУ, и начальники охранных отделений. Ведь кто-то должен был пойти в подчинение, а каждый хотел сохранить свою самостоятельность. Время шло, обсуж-

21. Спиридович А. И. (1916). Революционное движение в России. Вып. 2: Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Петроград: Типография Охранного отделения.

22. Спиридович А. И. (1914). Революционное движение в России. Вып. 1: Российская социал-демократическая рабочая партия. СПб.: Типография штаба отдельного корпуса жандармов.

23. Вопросник по истории революционного движения // Неизвестная Россия: XX век. 1992. № 2. С. 353–374. Публикация подготовлена З. И. Перегудовой.

дались различные положения и проекты реформы. В конце концов, в 1915 году забастовали сами полицейские...

С. О. *Вы затронули забастовку полицейских. Наш следующий вопрос связан с самосознанием служителей полиции в контексте негативного их восприятия со стороны «прогрессивной» части общества: на материале русской литературы XIX века легко реконструируется не слишком привлекательный образ тогдашних правоохранителей. Ведь даже в противостоянии полиции с террористами, часто убивавшими ни в чем не повинных людей, «общество» было скорее на стороне бомбистов. Современный писатель Борис Акунин создал *post hoc* образ благородного охранителя Эраста Фандорина, прекрасно осознающего всю обреченность архаичного режима Романовых: «Вечная беда России. Все в ней перепутано. Добро защищают дураки и мерзавцы, злу служат мученики и герои»²⁴. А как реальные фандорины воспринимали свое служение непопулярной власти? Как они переживали такое мощное психологическое давление со стороны общества?*

З. П. В Петербурге вышла книга «Жандармы России». В ней собраны статьи многих авторов, а также опубликованы воспоминания жандармского офицера А. Полякова²⁵. Сразу скажу, что они мне не понравились, так как для офицера штаба корпуса жандармов слишком непатриотичны. Я часто сталкивалась с материалами корпуса жандармов — у нас очень большой фонд с личными делами и различными записками руководителей этих учреждений. По ним видно, с какой болью они писали эти докладные записки. Так что некоторые относились ко всему этому очень серьезно, понимая всю необходимость этих учреждений. С другой стороны, они видели, что методы их работы, направления деятельности — не всегда были оправданны. А некоторых сотрудников, которых, возможно, было даже большинство, служба в корпусе жандармов привлекала только высоким жалованьем. Как сейчас в ФСБ получают больше, чем в МВД, так и тогда в корпусе жандармов получали больше, чем в обычной полиции. А. И. Спиридович в «Записках жандарма»²⁶ пишет, что отношение к голубому мундиру в обществе было соответствующее, хотя и не все в корпусе это признавали. Так, его сестры стеснялись его места службы и скрывали, что их брат — жандарм, поскольку это имело не очень приятный привкус. Кстати, возникает впечатление, что вначале его также привлекала только оплата.

Но были и другие, среди которых я очень ценю начальника петербургской охраны Глобачева — его воспоминания мы недавно опубликовали²⁷. Это был человек совсем другого плана — очень интеллигентный, за что его критиковал Спиридович, утверждавший, что Февральская революция 1917 года произошла из-за нерешительности таких интеллигентов во власти, не способных подавить бунт. Возможно, Глоба-

24. Акунин Б. (2007). Статский советник. М.: Захаров. С. 81.

25. Поляков А. М. (2002). Записки жандармского офицера // Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС. С. 482–543.

26. Спиридович А. И. (1928). Записки жандарма. Харьков: Пролетарий.

27. Глобачев К. И. (2009). Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З. И. Перегудовой. М.: РОССПЭН.

чев действительно был где-то нерешительный и слишком интеллигентный, но очень компетентный — он окончил Академию Генерального штаба. В предисловии я написала: в отличие от Глобачева, начальник Петербургского охранного отделения в 1905–1909 годах А. В. Герасимов был способен подавить революцию 1905 года в столице, но во времена Глобачева при власти находились премьер Б. В. Штюрмер, министр внутренних дел А. Д. Протопопов и директор Департамента полиции А. Т. Васильев, которые были в полной растерянности, не зная, что делать. А во время службы Герасимова правительство возглавлял Столыпин и подобные ему люди...

Таким образом, в полиции встречались разные люди с очень разным отношением к своей службе. Среди них были патриоты и не очень, «жесткие» и «мягкие» — как везде в жизни.

С. О. Также хотелось бы затронуть вопрос о роли первого лица в функционировании полицейского государства. Речь идет о феномене русского царя-жандарма, который не просто замыкает на себя всю конструкцию полицейского порядка, но и непосредственно занимается полицейской работой — вплоть до проведения дознания. Ведь известно, что не только Николай I лично занимался следствием, но и его сын — великий реформатор Александр II. Насколько часто последние Романовы непосредственно вторгались в деятельность правоохранительных органов, или это скорее было исключение из правил?

З. П. Они подключались только в случае особо важных дел, которые действительно требовали высочайшего вмешательства. Мы издаем дневники Николая II, судя по которым, он принимал участие в делах, затрагивавших высшие сферы. Мелкие дела до него не доходили. Но в дневниках упоминаются еврейские погромы, которые его беспокоили, а также история с «Протоколами сионских мудрецов». То есть им рассматривались дела, затрагивавшие серьезные проблемы. Например, дело о заговоре лейтенанта Никитенко, потому что это было вообще очень близко к императорской семье в Царском Селе. Также он серьезно подошел к убийству Столыпина и, по моему мнению, совершил при этом серьезную ошибку. Николай лично курировал следствие, смотрел все материалы и, несмотря на результаты ревизии деятельности Киевского охранного отделения и служб охраны, проведенной сенатором М. И. Трусевичем, и выводов следствия под руководством сенатора Н. З. Шульгина, распорядился закрыть дело в отношении высокопоставленных лиц, обвиняемых в преступном бездействии. Это и породило миф о том, что заказчиком убийства был сам двор. Премьер В. Н. Кокорцев прямо говорил царю об ошибочности этого решения, поскольку в случае суда виновник был бы назван и общество было бы удовлетворено, на что царь ответил следующее: наследник почувствовал себя хорошо, и он на радостях наложил именно такую резолюцию...

С. О. Следующий вопрос связан с историей, связанной с законодательством о чрезвычайном положении. Лишь в декабре 1904 года было созвано «Особое совещание по пересмотру установленных для охраны государственного порядка особых законоположений», более известное как Особое совещание под председательством графа А. П. Игнатьева. В рамках работы этого учреждения был подготовлен проект закона об

«исключительном положении». Но парадоксальным образом, когда такое положение наступило, т. е. когда началась революция 1905 года, правительство сочло нецелесообразным его рассматривать! То есть, перефразируя знаменитое высказывание немецкого правоведа Карла Шмитта, в самодержавной России суверен — тот, кто отказывается вводить чрезвычайное положение. Как объяснить этот парадокс в рамках институционально-правовой истории империи последних Романовых?

З. П. Все материалы Совещания Игнатьева перешли Комиссии сенатора Макарова. Она занималась рассмотрением предшествующих наработок. Что касается режима чрезвычайного положения, то здесь нужно вспомнить про «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое еще называли «мартовским», — оно было введено после убийства Александра II 1 марта 1881 года. Его В.И. Ленин даже назвал «фактической русской конституцией». Оно было введено временно, но просуществовало до 1917 года. В нем были пункты о введении «режима чрезвычайной охраны» с подробной регламентацией.

С. О. *Наш последний вопрос связан как раз с деятельностью комиссии сенатора А. А. Макарова. Ведь это тот случай, когда высшие чиновники прямо признают ненормальность существующего в государстве полицейского аппарата. Вы приводите слова Макарова (1908), актуальные и сегодня: «Необходимо сознаться, что ввести полицию в норму и привести ее деятельность в соответствие с нормальным течением жизни в государстве представляется делом весьма трудным»²⁸. По сути, глава комиссии по реформированию полиции признавал невозможность подобной нормализации. Не менее резкими и звучащими вполне по-современному были слова одного из генерал-губернаторов, открыто рассуждавшего о противостоянии общества и полиции: «И это неестественное состояние не изменится к лучшему не только частичным увеличением содержания отдельных чинов, но и многократным увеличением этого содержания». А ведь нынешние российские власти делают как раз это — просто значительно увеличили денежное содержание сотрудников милиции, переименовав их при этом в полицейских. Однако их исторический предшественник прямо называет наилучший способ решения проблемы восстановления доверия общества к одиозной машине полицейского государства: «Создайте новые, соответствующие времени полицейские законы, облеките полицию полной властью, но отдайте эту власть не под контроль административный, а суда, создайте законы о неприкосновенности личности под защитой того же суда и будьте уверены, что доверие общества сразу появится»²⁹.*

З. П. Я думаю, что эта программа нормализации отношений общества и полиции не реализована в России до сих пор. Здесь достаточно сравнить отношение к полицейским у нас с отношением к ним на Западе, где они находятся в совершенно ином общественном статусе. И я полагаю, что пока этой нормализации не произойдет, отношение к служителям правопорядка со стороны общества у нас будет только ухудшаться...

28. Цит. по: Перегудова З. И. Политический сыск России. С. 386.

29. Там же. С. 388.